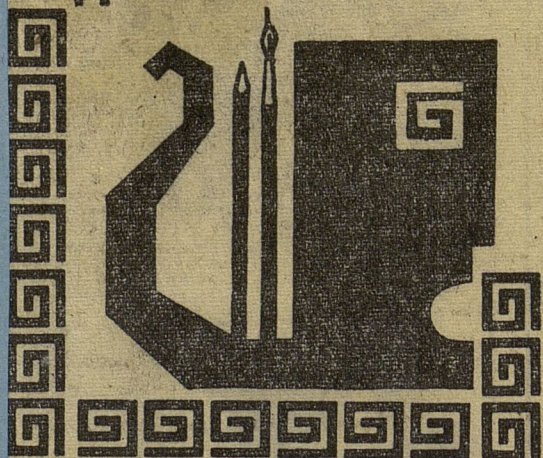

У ДЕВЯТИ МУЗ

Автор эмблемы — В. ПОСТНИКОВ,
Опенбургская область.

ВЕЧНАЯ СКАЗКА

ОН ПРИЕЗЖАЛ в Друски-нинкай, в отцовский дом, обычно на рождественские или летние каникулы из Варшавы, где учился в консерватории. Входил, сразу, даже не скинув пальто, подсаживался к роялю и играл что-нибудь бравурное и нелепое, чаще всего излюбленное «У попа была собака». Маленькие сестры и братья со смехом бросались к нему. Он смеялся в ответ, заорывался со всеми, и в доме тотчас воцарялась атмосфера всеобщего оживления и подъема.

Целыми днями дети пропадали с ним в саду. Он строил им прекрасные дворцы из белого песка, придумывал сказки, приключения. По утрам самые младшие сестры Ядвига и Валерия приходили мыть кисти для него. В один из своих приездов он рисовал цикл «Соната солнца». Он говорил сестрам о солнечных замках, о солнце, о его влиянии на нашу жизнь, на чувства, настроения человека. Начинал сказкой, а кончал серьезными вещами. И спрашивал их, что они думают об одной, о другой картине. Он умел спрашивать. Не о праздном, не о пустяковом. Его вопросы, общение с ним возбуждали фантазию, желание думать и придумывать.

Со взрослыми о своих работах он говорил гораздо реже. Только однажды тихо сказал профессору, который с достоинством заявил, что не понял его картины: «Задача художника — выразить то, что он чувствует и думает. Но и у зрителей есть задача: понять его...»

Чюрленис был гениален и знал это. Люди, по-настоящему талантливые, обычно знают это о себе. Но лучшие из них просты — простотой талантливого человека, а не бюргера. Тут есть различие, и надо понимать это. Когда кто-то из соседей ворчал, равняя его по себе: «Мог быть и попроще», — речь шла не о простоте, а о нивелировке.

...Когда в конце жизни (он умер в 1911 году) он серьезно заболел, стали говорить, что он всегда был загадочной и безумной личностью, произносили слово «декаданс». Но разве дети, эти естественные люди, и декаданс совместимы? Между прочим, я знаю одну девятилетнюю девочку, которая часами может сидеть над листами его альбома...

ЧЮРЛЕНИС пришел в этот мир, чтобы сказать свое слово о нем, и не его вина, что он был самобытен и оригинален. Публика интересовалась им, на него была определенная мода. Русский критик Валерий Чудовский писал с сарказмом об отношении, «которое, вероятно, обычно, увя! и вытекает из печальных заблуждений нашей ходячей эстетики. С первого взгляда решают, что картины Чюрлениса все равно непонятны, что это лишь музыкальные созвучия и вместо того, чтобы смотреть, начинают «переживать» — переживать! (блажен, кто может) — и мнят, что переживают Чюрлениса, и не замечают, что уже мгновение спустя переживают одни лишь жалкие обрывки собственных чувств и пигмейских трагедий».

На всех его выставках было шумно, иногда скандально, и все-таки общая реакция была отрицательной.

Исполнение музыкальных произведений тоже не приносило успеха.

Он мог бы сказать о своем творчестве то же, что некогда сказал об одном из своих квартетов Бетховен: он понравится им потом.

У него был особый склад души и ума. Однажды, возвратившись после ночной прогулки, он записал: «В подобные мгновения хорошо забыть, откуда и куда идешь, как тебя зовут, и смотреть на мир глазами новорожденного. А когда это кончается и приходишь в себя, становится жаль, что так давно существуешь на свете».

В нем одновременно жили дитя и мудрец.

Его замысел редко исчерпывался одной картиной. Обычно он писал циклы: «Соната пирамид», «Соната звезда», «Знаки Зодиака», «Похороны», триптих «Мой путь». Его бесконечно занимали вопросы мироздания. Ему казалось, что, если прислушаться к росту трав, взглянуть в жизнь моря, соотносить то, что происходит на земле и в космосе, среди далеких звезд, можно разгадать секрет Вселенной. Его картины во многом — попытки объяснения мира, связей сущего. Он художник мысли, символа, художник-философ. И он художник-поэт. Его работы полны музыки, они удивительно гармоничны. И еще, в них много сказки. Сказка ли обобщается прозрением, прозрением ли облечено в форму сказки?

Я смотрю на его работы, и очень трудно выбрать, о которой рассказать. Может быть, о «Покое»?

Над зеленоватым водным пространством нависла скала, уходящая вдаль. Она отражается в воде, и отражаются два огня — две светлые точки среди темной массы. Тихо, безмолвно. Что то за огни? Знак

человеческого жилища? Или не огни это вовсе и скала не скала, а гигантское животное, распластавшееся над морем, и светлые точки — глаза его...

Да, природа иногда загадывает нам чудесные загадки, являя такие совпадения, миражи и наваждения, что кажется, еще мгновение — и откроется нечто, какая-то тайна бытия.

Или рассказать об «Истине»?

Из полумрака, размытая им, выступает человеческая фигура, держащая в руке то ли свечу, то ли меч. Скорее меч. Но он не отражает своей блестящей поверхностью свет. Нет, он отаает его, ибо сильный источник света заключен в нем самом. Он освещает лицо человека с плотно сомкнутыми губами, большим выпуклым лбом и глазами, в которых странным образом сочетаются спокойствие и сомнение, знание и вопрос. Так в чем же истина? В знании или в сомнении? Или она в соединении противоречий, которые и составляют движение жизни? Каждый раз, когда я смотрю на эту картину, мне открываются новые смысловые пласты, выступающие из-за прежних, и кажется, этому выявлению не будет конца.

Чюрленис не любил ярких красок. Целые царства красок остались вне его палитры. Его тона — зеленые, синие, коричневые. Почему? Да потому, что это тона родной Литвы, которые вошли в его плоть и кровь вместе со зрением и слухом. Его картины не просто плод фантазии. У них есть совершенно реальная почва — литовская земля, на которой он родился и вырос.

Посмотрите на его картину «Лес». Коддовская вереница высоких деревьев, вершины которых украшены королевскими коронами. Едешь или бродишь по литовским дорогам — и то там, вдали, то тут мелькает этот чюрленисовский пейзаж.

Литва оценила своего художника. Ныне Чюрленис — ее признанный национальный гений. Горько, что он, как и многие, не узнал этого при жизни.

ЕГО СЕСТРЫ, Ядвига Константиновна, музыковед, и Валерия Константиновна, искусствовед, рассказывали мне о брате. Он жил в потрясающей бедности, без работы, часто голодал. Он писал Ядове из Петербурга: «Есть у меня несколько стульев, кровать с матрасом, стол, шкафчик, да «кипяток» по утрам и вечером. И было бы совсем хорошо, коли была бы еще какая-нибудь работенка, а то грустно». Он подбирал с полу крошки пастельных красок, чтобы рисовать на кусочках картона. Пока еще был один, страдал не так. Но пришла любовь. «Малюсенька моя», называл он красавицу жену. Сама мысль о том, что он не может прокормить «малюсеньку», была непереносима.

В одном из писем домой он поведал о горестном эпизоде. Как-то вечером он зашел, как обычно, в студенческую столовую, где стоял рояль. У него не было другого места для занятий. В это время он задумал оперу по национальным литовским мотивам «О Юрате и Каститисе». Сел к роялю, зажег свечу, которую принес с собой, стал сочинять и записывать музыку. Увлекался все более и более, бросил карандаш и забьлся за импровизацией. Опомнился только тогда, когда свеча оплыла. В темноте не мог ничего записать. А вернулся домой и — все забыл.

Несчастье простирагало его. Его душа была угнетена, потому что он терял возможность творить. Пойди он на встречу вкусам буржуазной публики — у него, верно, были бы и успех и достаток. Со стороны это всегда кажется так просто: ну, что стоит художнику изменить манеру, выбрать другую тему, написать что-нибудь привычное для глаза...

Но однажды простой крестьянин сделал счастливым Чюрлениса-художника. Крестьянин рассматривал на выставке триптих «Сказка». Кто-то что-то хотел пояснить ему, но крестьянин сказал: «Не надо, я сам понимаю». И заговорил о том, что он видит и чувствует. Жена Чюрлениса вспоминала, что «художник был тронут до слез и все волновался... говоря, какое это счастье, что он не ошибся, что его искусство находит прямую дорогу к сердцу народа, потому что оно своими корнями уходит в народ».

...Если вы будете в Вильнюсе, обязательно зайдите в консерваторию — там приветят каждого, кто хочет узнать и понять Чюрлениса. Вас отведут в студию, включат запись, и вы останетесь наедине с Чюрленисом-композитором. Вы услышите «Симфонию леса», и «Симфонию моря», и все сонаты, и прелюды, и фуги, и каноны. Есть пластинки с этими записями, но они раскупаются в мгновение ока.

А в Каунасе побывайте в музее Чюрлениса. И если ваше сердце и ум научились судить непредвзято и вы открыты для впечатлений, вы переживете праздник и уйдете с новым богатством в душе.

О. КУЧКИНА.

Литовская ССР.